

ПОКАЖИ МНЕ ЗВЁЗДЫ

Продолжение следует...

ПОКАЖИ
МНЕ КИРА
МОН

Звёзды

Freedom
МОСКВА 2020

УДК 821.112.2-31
ББК 84(4Гем)-44
М77

Original Title: Kira Mohn: Show me the Stars
Copyright © 2019 by Rowohlt Verlag GmbH, Hamburg

Фотография на обложке: © Matt Porteous / Gettyimages.ru
Во внутреннем оформлении использованы фотография и иллюстрации:
© Mike Ver Sprill, nadiia, Anton Jankovoy / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Мон, Кира.
М77 Покази мне звёзды / Кира Мон ; [перевод с немецкого И. Офицеровой]. — Москва : Эксмо, 2020. — 512 с. — (Freedom. Там, где сбываются мечты. Романтическая трилогия).

ISBN 978-5-04-112634-6

Одинокий остров на севере Ирландии, скалы, шум прибоя и белый маяк – так сильно изменилась жизнь Лив всего за месяц. Вырваться из суеты Гамбурга, чтобы полгода жить одной на острове? Идеальное решение. Где, как не здесь, можно прикоснуться к себе настоящей, услышать свою душу и бросить вызов собственным страхам. А еще встретить невероятно притягательного ирландца, который, кажется, знает о Лив больше, чем она сама. Но что, если влюбиться совсем не в его правилах? Или же за отстраненной холодностью скрывается нечто большее?

УДК 821.112.2-31
ББК 84(4Гем)-44

ISBN 978-5-04-112634-6

© Офицерова И., перевод на русский язык, 2020
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2020

*Хочу я книгу своей жизни
Переписать на чистые листы –
Вокруг лишь рваная бумага
И сломанные карандаши.*

◆ 1 ◆

В большом открытом офисе редакции «Глобус» почти за каждым столом мне вслед поворачиваются лица, когда сегодня в первой половине дня я быстро закрываю за собой дверь переговорной Яна Бремера.

Судя по тому, что на меня все смотрят, он, очевидно, уже сообщил благую весть о моем интервью всей редакции. Вот только эйфорию главного редактора разделяет далеко не каждый: на лицах большинства сотрудников читается недовольный скептицизм.

Именно мне, Лив Баумгардт, еще ни разу не попадавшей в центр всеобщего внимания, повезло подобраться к Кристине Аткинс? К этой чокнутой актрисе, бывшему ребенку-кинозвезде, которая уже несколько лет прячется у себя на вилле на берегу Санта-Моники, больше ни с кем не общается, а с репортерами и по-давно? Такое никому бы и в голову не пришло.

Если бы речь шла о каком-нибудь Кристиане Аткинсе, сарафанное радио моментально вскипело бы. Но так как мне вряд ли удалось бы уговорить Кристину Аткинс на интервью в обмен на мои обнаженные фотографии, надеюсь, что не поползут еще более ужасные слухи, от которых волосы встанут дыбом.

Готовую статью я только сегодня утром отправила Яну Бремеру. Он сразу же вызвал меня в редакцию. Слава богу, не за тем, чтобы устроить разнос по поводу того, что я ничего не рассказала ему заранее – сначала мне непременно нужно было убедиться, что интервью действительно состоится – а для того, чтобы похвалить меня как внештатного сотрудника за проявленную инициативу, обсудить парочку поправок в тексте и объяснить дальнейшие действия, которые будут в первую очередь направлены на рекламу. И теперь я буквально плыла между рядами рабочих столов.

Дорогу мне преградил Клаус Маасен:

– Мои искренние поздравления. – Проработав в «Глобусе» практически двадцать лет, Маасен стал ветераном редакции и человеком с самой фальшивой улыбкой на планете. – Кто бы мог подумать, что такое юное создание, как вы, уже завело подобные связи?

– Ах, мы с Кристиной всего лишь случайно встретились на одной вечеринке, – легкомысленно отвечаю

я. – Когда я ездила отдыхать на выходные. Ведь именно это и делают юные создания.

Потом коротко смеюсь и тщательно слежу за тем, чтобы не начать ухмыляться.

Клаус Маасен неуверенно поднимает вверх большой палец и отворачивается, чтобы скрыть свое замешательство.

Видит бог, это не первый раз, когда он или кто-то из его давно работающих коллег более или менее прозрачно намекают мне на отсутствие опыта. Самые младшие сотрудники не имеют права на успех в таком масштабе, и уж тем более не фрилансер, которая должна радоваться любому клочку сплетен, что ей позволено публиковать в развлекательном разделе.

– Лив! – Дана машет мне двумя руками, и я сворачиваю к ее сегодняшнему рабочему месту, радуясь возможности хоть кому-то искренне улыбнуться. Дана – стажер в «Глобусе». Собственного письменного стола у нее нет, поэтому на данный момент ее ноутбук стоит перед компьютером сотрудницы, взявшей на эту неделю больничный. Как и я, Дана стремится получить постоянную должность в редакции, но хоть я в рекордные сроки получила диплом журналиста, выпустившись с хорошими оценками, она на шаг опережает меня в том, что необходимо для достижения этой цели. На второй год своей работы на «Глобус» она прошла уже через много разделов, а в разделе культуры работает

по своему собственному выбору. В отличие от меня, которая, напротив, оказалась на своем месте больше по чистой случайности – ради того, чтобы работать в «Глобусе», я бы взялась даже за колонку кулинарных рецептов, если бы такая у них существовала. При том что рецепты были бы, вероятно, даже интереснее, чем коротенькие новости о знаменитостях, которые я сейчас пишу для интернет-издания. Однако теперь, после моего интервью с Кристиной Аткинс, наверно, я могу надеяться, что в будущем мне разрешат писать на более серьезные темы.

– И? Что сказал Бремер? – спрашивает Дана. – Сегодня утром на планерке он рассказывал о твоём подвиге. Это просто потрясно, но могу поспорить, что без удачи тут не обошлось.

Довольная, я облакачиваюсь на край стола:

– Интервью ему очень понравилось.

– Естественно, оно ему понравилось! Это же грандиозно. – Дана потягивается, а потом снова откидывается на спинку вращающегося стула с красной обивкой. – Интервью с Кристиной Аткинс, закатившейся девочкой-кинозвездой. В котором она еще и говорит о личной жизни, а не только о своих глупых подростковых киношках.

– А мне понравилось «И где-то я»¹.

¹ Отсылка к роману Франциски Фишер «Und irgendwo ich».

Пренебрежительным жестом Дана отмахивается от моего замечания.

– Пришлешь мне его, когда доработаешь? Я сделаю для тебя корректуру. Кстати, ты сейчас свободна? Могли бы вместе пообедать.

Собственно говоря, я планировала дома закинуть в духовку замороженную пиццу и за едой отредактировать статью, а затем писать остальные новости о знаменитостях, о которых нельзя забывать на фоне всего прочего. Но так как у меня было праздничное настроение, а обеденный перерыв Даны длится всего час, какое-то время спустя мы уже сидели с двумя тарелками в переполненном кафе «У Фридрихельма» – модном гамбургском заведении недалеко от работы – и пытались услышать друг друга за стуком столовых приборов и разговорами за соседними столиками.

– Я бы ни за что просто не проигнорировала эту информацию. – Дана водрузила на свои спагетти целую гору пармезана. – Тебе надо как минимум намеками распространить слухи.

На самом деле я бы лучше обсудила в мельчайших подробностях свою беседу с Яном Бремером, но ей было гораздо интереснее узнать побольше про интервью с Кристиной.

– Я пообещала Кристине, Дана. Она не хочет, чтобы об этом стало известно публике.

– Тогда зачем она вообще об этом заговорила?

– Просто так вышло.

Дана не в курсе, что я годами писала Кристине Аткинс фанатские письма, впервые увидев ее в сериале «Лилли и Снежинка». В то время я еще не жила у бабушки с дедушкой, а переезжала каждые пару лет вместе с мамой, которая работает дипломатом. Иметь возможность писать Кристине на английском – это был хоть какой-то плюс в нашей нестабильной дипломатической жизни. Сидней, Нью-Йорк, Копенгаген – о большинстве стран у меня в памяти не сохранилось ничего, кроме нескольких лиц и имен в международных школах, и отдельных воспоминаний о нянях, которых для меня нанимала мама. Кто мой отец – неизвестно. Мама о нем никогда не говорит.

В то время мне было лет десять или одиннадцать, а Кристина была чуть старше. Из-за нее я захотела заниматься верховой ездой, хотя из-за высоты лошадей мне становилось не по себе, из-за нее отказывалась ходить в школу с косичками и даже захотела перекрасить свои темно-каштановые волосы в блонд.

Невозможно сосчитать, сколько писем от меня получила Кристина Аткинс. И лишь один раз пришел ответ – открытка с автографом и парочкой ничего не значащих строк. А вела я себя при этом так, как будто

самый красивый мальчик в школе написал мне письмо с признанием в любви.

Потребовалось много времени, пока мое восхищение Кристиной не поутихло, а вскоре – мне, наверно, было около пятнадцати – произошло это – она полностью исчезла с киноэкранов. В любой новости, которую можно было о ней услышать, фигурировали наркотики, алкоголь и нервные срывы. И когда я в какой-то момент прочла о том, что молодая актриса попала в клинику, то написала по последнему адресу для фанатской почты, который получила от нее.

Сказать, что Кристина была рада обо мне услышать, было бы явным преувеличением, но она меня вспомнила – как же можно забыть девочку, которая однажды прислала ей коллаж размером с дверь, состоящий из фотографий лошадей, каждая из которых была такой же белой, как Снежинка?

В тот раз мне пришла не открытка с автографом, а письмо. Оно было не особенно личным, но мы так или иначе поддерживали связь. Иногда проходили недели или даже месяцы, пока Кристина мне отвечала, и она крайне мало рассказывала о себе. Вместо этого она задавала мне много вопросов, на которые я добросовестно отвечала. Возможно, я была для нее чем-то вроде единственной связи с нормальным миром, поэтому она никогда окончательно не обрывала со мной контакт. Однако, по какой бы то ни было причине,

когда пару недель назад я спросила ее, не даст ли она мне интервью для «Глобуса», она действительно согласилась. И я бы ни в коем случае не стала сейчас предавать ее доверие и раздувать из отдельных фраз сенсационные истории. Мне вообще не стоило заикаться об этом Дане.

– Если бы она не хотела, чтобы ты об этом писала, то вообще не упоминала бы этого типа, Лив. Для нее это отличная реклама, такое всем интересно. Телохранитель насилует актрису-подростка!

– Но все же было не так. Они встречались.

– Он был на восемь лет старше нее. Если бы это вышло наружу, он бы сейчас сидел в тюрьме.

Я покачала головой.

– Ей было почти восемнадцать, когда между ними все началось. А теперь оставь это, ладно?

– А почему ты не хочешь написать про ее галлюцинации?

– Потому что она бы этого не хотела.

– Ну и что?

– Дана!

Дана преспокойно наматывает на вилку спагетти. Парочка макаронок падает, когда она тычет вилкой в мою сторону, соус капает на стол.

– Расслабься, Лив, – миролюбиво отвечает она. – Ты должна кое-чему научиться: такими темпами далеко не пробьешься.

У меня неприятно сжимается желудок, когда я опускаю глаза на свою пиццу и задаюсь вопросом, не права ли она. Конечно же, я хочу преуспеть. Но не таким способом. Не копаясь в личной жизни других людей, как свинья, которая ищет трюфели, в поисках чего-нибудь, что можно было бы подбросить народу как кричащую рекламу. По крайней мере, Яна Бремера, похоже, все устраивает. Наоборот, он хочет опубликовать интервью уже в декабрьском номере, хочет его разрекламировать, а когда мы прощались, он сказал одну вещь, от которой у меня сердце забилось чаще: «Клаус Маасен в конце года заканчивает работать на «Глобус», вы знаете? Нам нужно будет заново перераспределить его обязанности между сотрудниками, и других разделов это тоже касается. Полагаю, там может найтись что-то и для вас, как вы считаете?»

От одного воспоминания об этом я снова начинаю улыбаться.

– Ну а что Бремер сказал про тех дамочек с овцами, о которых ты собираешься писать? – вторгается в мои размышления Дана.

А откуда Дана знает... ах, точно, я ведь рассказала ей про тех двух пожилых женщин, которые познакомились по объявлению в газете и теперь живут вместе на ферме под Винзенном и разводят овец.

– Об этом я с ним еще не говорила.

– Но ты же хотела?

– Я подумала, что сделаю это после публикации интервью с Аткинс.

Пожимая плечами, Дана бросает на свою тарелку салфетку:

– Мое мнение на этот счет ты знаешь.

Поскольку Дана обычно, не церемонясь дольше четырех секунд, высказывает любое свое мнение, естественно, я его знаю: она считает описание старушек с овцами до смерти скучным.

– Могу я предложить вам что-нибудь еще? – Официантка подошла к столику, чтобы убрать грязные тарелки и пустой стакан Даны.

– Нет, счет, пожалуйста, – наклоняется к своей сумочке Дана. – Мне пора возвращаться. Когда ты пришлешь мне интервью?

– Сегодня вечером. Его нужно подправить всего в нескольких местах.

– Поняла. Я его вычитаю и сразу отправлю на утверждение менеджерам Кристины Аткинс, идет?

– Если у тебя нет ничего более важного, то конечно. Бремеру оно нужно срочно.

– Само собой, ему нужно срочно. Через пару часов он запустит о нем онлайн-рекламу, – отвечает Дана с широкой улыбкой.

– Ты на этой неделе еще будешь в редакции?

– Нет, пока что все улажено.

– Ну тогда... начинай придумывать вопросы для своих дамочек с овечками. Бремер наверняка тебя скоро туда отправит. – Она наматывает на шею свой супердлинный шарф, пока не остается виден только нос, и берет сумочку. – До связи.

Послеобеденное время я провожу с Харви. Харви – это мой письменный стол, старинное страшилище из корневой древесины. Если бы столешница и ножки не отвинчивались, никому на свете не удалось бы пронести эту штуковину в дверь моей крошечной съемной квартиры.

На самом деле Харви создавался для домов с двойными дверями и гостиными, но ему уже приходилось обходиться без этого и на его предыдущем месте жительства. Прежде стол стоял в кабинете моего деда, от кого и получил свое имя. Еще до того, как переехать к бабушке с дедушкой, я часто исследовала содержимое выдвижных ящичков и откидных дверок Харви, а потом найденными перьевыми ручками записывала небольшие рассказы на красивой дедушкиной писчей бумаге. В отличие от мамы, которая давно бы пресекла это бумагомарательство, – ее всегда раздражала моя привычка мечтать, а потом сочинять истории – дедушка с бабушкой не находили в этом ничего плохого.